

УДК 93/94

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ИНСТИТУТА БИЕВ

Кенжебекова Ж.К.

kenzhebekova-1995@mail.ru

докторант 2 курса специальность «История» ЕНУ им. Л.Н.Гумилева

Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель - Мусабалина Г.Т., д.и.н, профессор

Институт биев является древнейшим, средневековым механизмом, веками определяющим порядок в казахских жузах. Даже после присоединения казахских жузов к Российской империи, имевший свою многоуровневую судебную-правовую систему, традиционный институт биев был сохранен. Исследование значения правового института казахских биев позволяет выявить нам механизмы управления и традиционные проблемы, характерные для имперской политики в отношении национальных окраин России XIX века. Первые сведения о жизни казахского населения в составе Российской империи оставили чиновники и военные, являвшиеся обычно офицерами Генерального штаба или представителями Императорского РГО. По этой причине в своих работах они сравнивали эффективность различных форм управления на окраинах империи и обосновывали прогрессивность для казахов российской администрации и законов.

Только в постсоветский период, на фоне повышения интереса к национальной культуре, традиционный институт биев становится предметом многочисленных исследований. В частности дискуссионными в современной историографии являются проблемы возникновения института биев, преемственности бийского звания и полномочий биев [1, 53]. Множество исследований посвящено институту биев в структуре Российской империи. При этом имперские интересы, эффективность и итоги российской политики получают различные трактовки.

Институт биев как тип властных отношений сложился в далеком прошлом традиционного общества казахского народа, как результат длительного отбора народом разнообразных практик, как устойчивый маркер социокультурного пространства казахского народа, регулятор жизнедеятельности социума, способный гибко адаптироваться к возможным влияниям внешних политико-правовых систем.

Бии по политическому и социальному статусу не были однородными, связано это было с тем, что они выполняли в казахском обществе самые разные функции: наряду с тем, что одни были предводителями родов (административно-политическая функция) и возглавляли народное ополчение (военная), другие разрешали судебные вопросы (судебная) и принимали участие в выработке и принятии устных кодексов Степи (законодательная), третьи зачастую выступали в качестве послов (дипломатическая). Кроме этого бии были хранителями духовного наследия народа (духовно-эстетическая). Иногда в одном лице сосредоточивались все функции одновременно. Данный фактор существенно влиял и на материальное положение биев. Можно говорить о том, что часть биев как социальный институт аккумулировала в своих руках все властные полномочия. Исходя из этого синоним термина «бий» употребляются понятия «родовой предводитель», «родоначальник», «законовед», «посол», «оратор» [2, 9].

Важно отметить, что в казахском обществе XV-XVIII вв. основной судебной властью обладал суд биев. Юридически выполнять функции бия мог любой свободный общинник, обладающий достаточным авторитетом, знанием норм обычного права и красноречием. Кроме того, высшей судебной властью обладал хан, имевший право пересматривать решения суда биев. Ораторы - шешены и бии, несомненно, занимают важное место в истории казахского народа. Наиболее выдающиеся из них – это три великих бия: Толе би, Айтеке би, Казыбек би. Совершенно справедливо было сказано о них А. Нурпеисовым, известным казахстанским писателем: «Три мудреца, чьи имена не сходят с уст благодарных потомков Толе би, Казыбек би, Айтеке би, - не только были наделены Богом великим ораторским искусством. Они точно так же, как Цицерон в Древнем Риме, использовали широкий круг государственных обязанностей, в том числе суда биев, утверждая тем самым своими деяниями принципы демократии Великой степи. Именно великое ораторское искусство, в первую очередь, выдвинуло их в ряды исторически значимых лиц казахского этноса.

В обычном казахском праве дело не могло возбуждаться по факту преступления, процесс начинался только по инициативе потерпевшего. Бии выбирались по взаимному соглашению сторон, причем бию мог быть дан отвод, но только до начала процесса. Рассмотрение дела начиналось с обряда бросания перед судьей плетей истцом и ответчиком. Это символизировало согласие обеих сторон с составом суда и согласие, с будущим решением бия. Попытка отвода, бия, после бросания плетей или препятствование судопроизводству наказывалось, виновного могли избить его же плетью. Прежде чем начать процесс, бий предлагал сторонам примирение и в случае отказа начинал слушанье [3, 17]. Обычно это происходило при большом стечении народа, причем не только заинтересованных людей, но и всех желающих. Суть дела излагалась в устной форме истцом или его представителем. В это время ответчик также мог изложить свою версию сам или через представителей. В их роли выступали чаще всего красноречивые и знакомые с нормами обычного права одноаульцы. Бий мог вызвать свидетелей, явка которых обеспечивалась заинтересованной стороной.

Обычное казахское право предусматривало различный подход к свидетелям в зависимости от их социального статуса. Не принимались свидетельства женщин, ближайших родственников истца и ответчика, несовершеннолетних, лиц, подвергавшихся телесным наказаниям, а также лиц, признанных сумасшедшими. Свидетельства рядовых общинников имели доказательную силу только после того, как честность свидетелей подтверждалась присягой. Свидетельства же султанов, биев и других влиятельных лиц принимались без присяги. Свод законов «Жеті Жаргы» определял, что «для удостоверения в преступлении требуется не менее двух, а иногда трех свидетелей». Одним из важнейших институтов судебного процесса в казахском обычном праве был институт присяги, который в народе называли «мсан беру». К нему прибегали в случае невозможности другими способами выяснить истину. Интересно, что присягали не сам истец и ответчик, а их родственники по выбору противоположной стороны [4, 17]. При этом предпочтение отдавалось известным и уважаемым людям, желательно незнакомым с обстоятельствами дела. Различалось два вида присяги - доказательная и очистительная. Доказательная присяга требовалась от свидетеля истца. Очистительная присяга приносилась стороной ответчика. Присягатель должен был в

торжественной обстановке поклясться в невинности обвиняемого. Обычно при малейшем сомнении присягатель отказывался от присяги, так как если впоследствии выяснялась его ошибка, он нес ответственность как лжесвидетель, объявлялся вне закона, его имущество и скот могли быть безнаказанно разграблены. Отказ присягателя от очистительной присяги автоматически вел к вынесению обвинительного приговора. Приговор бия выносился устно, после его объявления проводился обряд под названием «алажт» - разрезание пестрой веревки, которая символизировала завершение судебного процесса. Бий получал вознаграждение под названием бийлик – это десять процентов от суммы иска и все штрафы, назначенные нарушителям процессуальных норм во время судебного процесса. Бии играли очень важную роль в казахском судопроизводстве.

Суд биев, как суд высокой морали, строился и основывался на таких фундаментальных принципах, составляющих его незыблемые основы, как неподкупность судьи, справедливость как суть и моральная ориентация судебных решений, доступность и публичность суда, владение судьей ораторским искусством как средством доказывания и обоснования судебного решения, ориентированность суда на примирение сторон и полное возмещение причиненного правонарушением ущерба. Одна из ярких особенностей суда биев — в его духовности: духовное содержание рассматриваемых споров всегда превалировало, бии старались придерживаться в первую очередь моральных установок, сложившихся в обществе [4, 37].

Авторитет биев держался на народном признании, по существу, это было и охранной грамотой, и своего рода «лицензией» бия на отправление правосудия. Бии являлись главными носителями норм права казахов, выполняли практически все правовые функции государства: знатоки, интерпретаторы и охранители существовавших законов, реформаторы и законодатели, советники ханов и султанов. Главным принципом их деятельности был принцип справедливости. Интересы народа были для них превыше каких-то узких местных интересов. Знаменитый Айтеке-би говорил: «Моя жизнь принадлежит народу, а мне принадлежит только моя смерть». При таком мощном посыле суд биев обладал совершенным, максимально упрощенным и действенным судопроизводством. Чокан Валиханов приводит занимательный факт, ярко характеризующий эффективность бийского правосудия: русские истцы и ответчики во многих случаях предпочитали русскому следствию суд биев [5, 7]. И таких фактов зарегистрировано сотни. Разумеется, современные реалии намного отдалают нас от прошлого, и невозможно механически перенести давние традиции в сегодняшний день, хотя иногда слышатся и такие предложения, особенно когда речь идет о третейских, мировых судах или институте досудебного примирения. Но, несомненно, мы многое можем и должны почерпнуть из богатейшего наследия суда биев. Самое главное и ценное — исторические уроки призваны помочь нам возродить нравственные начала в воспитании достойных судебских кадров, в судопроизводстве. Вовлечение в орбиту судебного правоприменения таких инструментов, как правовые обычаи и принципы, этических категорий предполагает соответствующий уровень образования и мышления судьи, его высокую моральную и гражданскую ответственность.

Историческое значение суда биев в том, что он был своего рода эталоном правосудия. Гласность как необходимое условие нормального функционирования кочевой демократии, свободное общественное мнение, отвечающее только требованиям исконных традиций и обычно-правовых норм, наконец, прочное утверждение принципа справедливости, стоящего выше всяких законов, — и есть безусловные гарантии суда биев, которому безоговорочно верили. Судебная тяжба начиналась там, куда люди приходили в поисках разрешения спора. А приходили они только к тем, чьему мнению доверяли. Это был истинный цвет народа, концентрирующий в себе всю кладезь народной мудрости и духовности.

Список использованных источников

1. Мажитова Ж.С. Институт биев: подходы и интерпретации в российской и казахстанской историографии. – Монография. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2015. – 352 с.

2. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. - Б.М.,1879.
3. Тынышпаев М. История казахского народа. – Алматы: Рауан, 1993. – 224 с.
4. Абиль Еркин. История государства и права Казахстана.- 2005., Караганда.3-е изд. – 258 с.
5. Даниярова А.Е., Огольцова Е.Г., Нурлигенова З.Н. Материалы по истории Казахстана с древнейшего времени до начала XX века. – 2009, Караганда – 120 с.